

ИСПОДЛОБЬЯ
Ирина Каспэ

5.12.02

Бей, барабан

Виктору Пелевину исполнилось

Если верить одним компетентным источникам, Пелевину исполнилось 40 лет. Ну или по меньшей мере 35 – если верить другим, не менее компетентным. О нем все еще толком ничего не сказано – с этого наблюдения начинается большинство посвященных Пелевину статей. А статей – надо ли напоминать? – было достаточно: все как на подбор яркие, эмоциональные, загибовыгибистые, с неперенным переподвыподвертом. Все очень разные, все абсолютно об одном и том же. Сознание где? Нигде. А лошадь где? Правильно – вот она. Хочешь, анализируй пустоту, хочешь, лошадь – принципиально ничего не изменится. То, что принималось за притчу, анекдот, телегу, банальную метафору, затягивало, как докучная сказка – только успевай в землю закапывать и надписывать надписывать.

Спустя четыре года после публикации «Generation П» ситуация выглядит еще более подозрительно. Вопреки возбужденным ожиданиям Пелевин не породил новой школы, не переключил литературного пространства, не разрушил его изнутри, не обеспечил прямых поставок мухоморов в цэдэловский буфет. И ссылаться на пелевинские тексты как-то не принято, и цитировать как-то стыдно, максимум позволенного – ранние рассказы. Жизнь идет, «Желтая стрела» стучит колесами, на тысячу ли вокруг – ничего напоминающего о Пелевине. Еще раз произнесем это слово – «ничего». Так только, смутные ассоциации. Что-то вертится на языке, маячит перед глазами. И за спиной чей-то взгляд, разумеется. Постоянно.

Пелевин так и не стал нашим всем. Всё у нас уже бы-

ло. Ему принадлежит другая, никем еще не отыгранная роль: оказалось, отечественной литературе требуется «ничто», черная дыра, утягивающая материю за горизонт событий. Будучи черной дырой, Пелевин никогда не скрывал своих намерений: то, что принималось за притчу, анекдот, телегу, страшилку, банальную метафору, все то, что так ловко было обыгрывать в книжных рецензиях, сработало. Все эти эксперименты со временем, пространством и световыми лучами следовало понимать буквально. Ну да, одна из литературных звезд начала проваливаться внутрь себя – примерно после того, как «Синий фонарь» получил Малого Бу-

лись к апогею, желтые лучи перемалывались в пыль, безногие космонавты подлетали к самому краю, Вселенная в чайнике Люй Дунбиня кипела ключом. С выходом «Generation П» ловушка захлопнулась.

Понятно, почему практически все отзывы о Пелевине, включая до дрожи отрицательные, так или иначе вращались вокруг темы «современности». Современность Пелевина могла мотивироваться чем угодно – и тем, что он умеет размывать реальность, и тем, что он воспроизводит ее подробно, во всех мелочах, как подлинный энциклопедист и семиотик повседневности. Еще бы. Это одно из свойств черной дыры

И за спиной чей-то взгляд, разумеется. Постоянно

кера. Когда появился «Чапэв», контролировать положение было уже практически невозможно – разговоры о кризисе, смерти, отсутствии русской литературы близи-

– быть всегда современной. Понятно, почему Пелевина активно сопрягали с разнообразными традициями – от «русской классики» до постмодернизма: дело не в том, что критики обнаруживали самое для себя дорогое. Скорее избавлялись от литературного прошлого – что упало в черную дыру, то пропало. Понятно, почему приближение Пелевина к литературному мейнстриму вызвало в свое время настоящую панику: многие ощутили угрозу, немногие поняли, что сопротивляться бесполезно – Пелевин не стал вливаться в мейнстрим, он его в три глотка выпил.

Мы и не заметили, как это произошло. Вроде бы ничего особенного не случилось. Только вокруг другая какая-то Вселенная. Вполне приемлемая. Ну разве что «культовый роман» здесь в принципе невозможен – атомы, будем считать, не сложились. Но ничего, можно привыкнуть. Люй с ней Дунбинь, с этой культовостью. Зима вот пришла, книжная ярмарка закончилась, премии начали вручать. За поэзию, за прозу, за репортаж с петлей на шее. А черный заяц знай бьет и бьет в свой барабан.

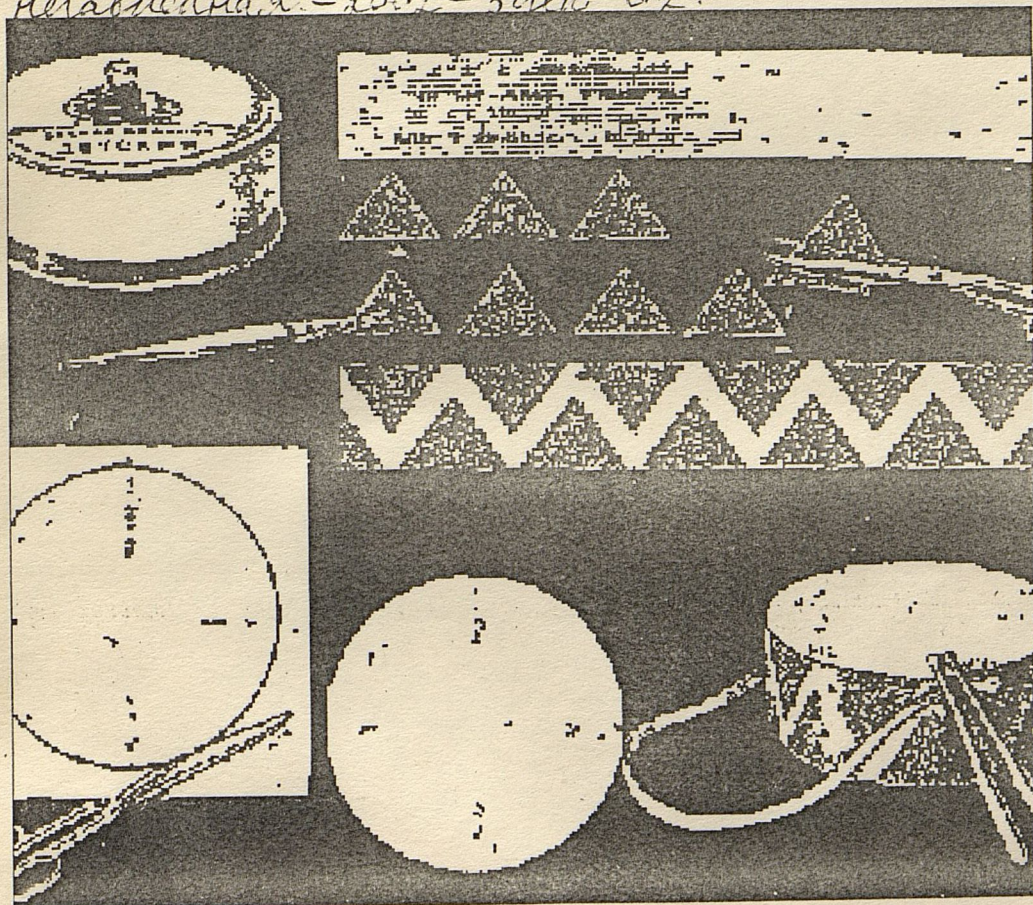


Схема сборки игрушечного барабана